

5.6.1. Отечественная история

ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942–1943 гг.

Е.С. Воропай

Аннотация. Исследование политики нацистской оккупационной администрации в отношении Русской православной церкви на оккупированных территориях важно для понимания общей стратегии оккупантов, их попыток контролировать население и использовать религиозные институты в пропагандистских целях. Анализ особенностей этой политики на примере Ворошиловградской области в 1942–1943 гг. позволяет выявить региональные особенности и более полно осветить взаимодействие оккупантов и местного населения в духовной сфере. В статье рассматриваются цели и методы нацистской религиозной политики, ее реализация, формы контроля, влияние религиозных настроений на отношение местного населения к оккупантам, а также практические последствия.

По результатам исследования сделаны выводы, что в целом политика оккупантов в отношении Русской православной церкви в Ворошиловградской области была частью общего плана по установлению контроля над территорией, основанного на дезинформации, манипуляциях и использовании уязвимых мест общества.

Ключевые слова: религиозная политика, религиозная пропаганда, немецко-фашистская оккупационная власть, Русская православная церковь, религиозная жизнь на оккупированной территории Ворошиловградской области

269

Для цитирования: Воропай Е.С. Политика немецко-фашистской оккупационной администрации в отношении Русской православной церкви на территории Ворошиловградской области в 1942–1943 гг. // Преподаватель XXI век. 2026. № 2. Часть 2. С. 269–276. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-2-269-276

© Воропай Е.С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE POLICY OF THE GERMAN FASCIST OCCUPATION ADMINISTRATION TOWARDS THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ON THE TERRITORY OF VOROSHILOVGRAD REGION IN 1942–1943

E.S. Voropai

Abstract. *The study of the policy of the Nazi occupation administration towards the Russian Orthodox Church in the occupied territories is important for understanding the overall strategy of the occupiers, their attempts to control the population and use religious institutions for propaganda purposes. An analysis of the specifics of this policy using the example of Voroshilovgrad region in 1942-1943 makes it possible to identify regional peculiarities and more fully highlight the interaction of the occupiers and the local population in the spiritual sphere. The article examines the goals and methods of Nazi religious policy, its implementation, forms of control, the influence of religious sentiments on the attitude of the local population towards the invaders, as well as the practical consequences.*

The study concluded that, in general, the occupiers' policy towards the Russian Orthodox Church in Voroshilovgrad region was part of an overall plan to establish control over the territory based on misinformation, manipulation, and exploitation of society's vulnerabilities.

Keywords: *religious policy, religious propaganda, the Nazi occupation authorities, the Russian Orthodox Church, religious life in the occupied territory of Voroshilovgrad region*

Cite as: Voropai E.S. Policy of the German Fascist Occupation Administration Towards the Russian Orthodox Church in the Voroshilovgrad Region in 1942–1943. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education. 2026, No. 2, part 2, pp. 269–276. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-2-269-276

270

Актуальность исследования политики немецко-фашистской оккупационной администрации в годы Великой Отечественной войны значительно возрастает в свете современных событий на Украине, где сегодня предпринимаются попытки восхваления нацистских преступников. Особую остроту приобретает проблема противодействия фальсификации истории, героизации нацизма и реабилитации коллаборационистов. Объективное изучение оккупационного режима, в том числе его религиозной политики как инструмента манипулирования, служит защитой от искажения фактов. Анализ использования религии в пропаганде, политики в отношении общин позволяет разоблачить мифы и сформировать правдивое историческое мировоззрение.

Изучение религиозной политики немецко-фашистской оккупационной администрации в Ворошиловградской области в годы Великой Отечественной войны актуально для понимания региональных особенностей оккупационного режима. Исследование политики в отношении Русской православной церкви как части этой системы позволяет воссоздать более полную картину жизни области в годы войны.

Проблему религиозной политики немецко-фашистской оккупационной администрации в годы Великой Отечественной войны исследовали в своих работах М.И. Одинцова [1], В.И. Алексеева и Ф. Ставру [2], В. Гордиенко [3], подчеркивая противоречивость целей и стремление к ослаблению Русской православной церкви. Изучение региональных особенностей представлено у О.Д. Форостюка [4], в работах которого содержатся

данные о храмах Луганщины. Важным исследованием также является сборник А.К. Сорокина [5], в котором освещаются церковная политика, организация религиозной жизни, реакция населения и роль церкви в период немецко-фашистской оккупации и после освобождения территории УССР.

В 1920–1930-е гг. в Советском Союзе проводилась политика атеизации населения. Несмотря на то, что Конституция СССР 1936 г. декларировала свободу совести, на практике эта норма практически не соблюдалась. Вместо этого борьба с «религиозными пережитками» велась жестокими методами, направленными на уничтожение религиозных памятников и религиозного сознания [6, с. 432]. Несмотря на это, к началу Великой Отечественной войны советское население, особенно в сельской местности, в значительной степени сохраняло религиозность. Начавшаяся война лишь усилила эти чувства.

В целом, отношение к христианской религии у руководителей Третьего рейха было двойственным. С одной стороны, надпись «С нами Бог» на пряжках немецких солдат и наличие института военных священников указывали на формальное признание христианства, но с другой — в Германии предпринимались попытки возрождения древних языческих культов. Это говорит о сложном и противоречивом отношении к религии в нацистской идеологии [6, с. 433]. Еще в декабре 1941 г. А. Гитлер в кругу приближенных высказывал планы по искоренению христианства, видя в этом «последнюю великую задачу» эпохи для обеспечения будущего германской нации. Он говорил о необходимости дожидаться «гниения» церкви и замены проповедников на «дураков», а слушателей — на «стариков» [6, с. 433]. Признавая пропагандистскую ценность открытия храмов, А. Гитлер категорически возражал против создания единой православной церкви в России. Он полагал, что в интересах Германии было бы наличие в каждой русской деревне собственной секты с уникальным представлением о Боге, а «колдовские или сатанинские культы» заслуживали всяческой поддержки, так как это способствовало бы разделению СССР [6, с. 433].

Будучи рейхсминистром Восточных территорий, А. Розенберг занял воинственно атеистическую позицию, испытывая ненависть к христианству. Считая православие лишь «красочным этнографическим ритуалом», он предлагал германской администрации терпимо относиться к религиозным обрядам, но в то же время поощрять их как средство контроля над покоренным славянским населением [6, с. 433].

Нацистская Германия, обладая опытом проведения религиозной политики в Германии и на других оккупированных территориях, активно использовала религиозную пропаганду в своих целях при нападении на СССР. В Главном управлении имперской безопасности (СД) функционировал специальный церковный отдел, занимавшийся контролем и наблюдением за религиозными организациями всех конфессий, изучением настроений духовенства и прихожан, внедрением агентуры и вербовкой агентов из числа священнослужителей [6, с. 434].

В циркуляре СД от 16 августа 1941 г. перед нацистскими спецслужбами ставились задачи поддержки развития религиозного движения (как противовеса большевизму), его дробления на отдельные течения для предотвращения консолидации против Германии и использования церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях [6, с. 434]. Директива СД от 31 октября 1941 г. раскрывала долгосрочные цели религиозной политики: запретить священникам вносить

в проповеди «оттенок вероисповедания» и создать «новый класс проповедников», которые будут толковать населению «свободную от еврейского влияния религию» после «соответствующего, хотя и короткого обучения» [6, с. 434].

Для реализации поставленных задач в первые дни войны на оккупированной территории распространялись плакаты, на которых советские солдаты изображались грабителями храмов, а немецкие — спасителями мирных жителей. Целью этой пропаганды было убедить население в несовместимости религии, нравственности и советской власти [6, с. 436]. Нацисты организовывали «открытие Божьих храмов» повсеместно, преследуя экономические, пропагандистские и политические цели. С одной стороны, это не требовало значительных финансовых затрат, с другой — позволяло использовать церковный амвон для распространения своих идей. Кроме того, «открытие» храмов представляло собой контрпропагандистскую акцию, призванную дискредитировать советскую власть, традиционно придерживавшуюся атеистических взглядов [6, с. 438]. Однако, уже в сентябре 1941 г., вся финансовая ответственность за содержание культовых сооружений была переложена на местное население, а сами оккупанты ограничились лишь символическими жёстами [6, с. 438].

С началом немецко-фашистской оккупации Ворошиловграда 17 июля 1942 г. захватчики приступили к активному восстановлению религиозной жизни в регионе. Под руководством Ворошиловградского благочинного округа начался процесс открытия православных храмов и возобновления деятельности приходов, а также предпринимались шаги по налаживанию церковного управления. В самом городе вновь заработали четыре церкви: две в центре, одна на месте утраченной Каменнобродской церкви и ещё одна в поселке Елизаветовка [7, л. 3]. В 1942 г. были освящены храм Казанской иконы Божией Матери, расположенный в здании бывшего торгового техникума, и Свято-Николаевский собор на улице Шевченко. Для этих храмов иконостасы создавались в художественно-декоративной мастерской В.В. Чехова, где художники Д.И. Гром и Т.К. Афонина воплощали эскизы Л.В. Чехова [7, л. 56]. Настоятелями Свято-Николаевского собора в тот период были отец Исидор Дереза и протоиерей Константин Анпилов. Кроме того, был перестроен Вознесенский молитвенный дом в Малой Вергунке, а в Большой Вергунке возобновил работу приход Георгиевской церкви, получивший для своих нужд помещение школы [8, с. 84].

Подобные процессы восстановления церковной жизни наблюдались и в других населенных пунктах Ворошиловградской области. В Алчевске вновь открылся приход Николаевской церкви. Жители Антрацита активно собирали пожертвования на восстановление Покровской церкви. В Боково-Платово продолжали действовать Александроневская и Николаевская церкви. В Красном Куте верующим вернули Николаевскую церковь. Особо следует отметить Беловодск, где в 1942 г. был восстановлен Троицкий собор, несмотря на то что первоначально он использовался оккупационными властями в качестве склада [8, с. 85].

Возобновили деятельность и монастыри. В селе Фомовка Сватовского района монахини Успенско-Серафимского монастыря открыли молитвенный дом, где иеромонах Кирилл Черненко проводил службы.

В качестве инструмента пропаганды и контроля над религиозной сферой оккупационные власти активно использовали прессу, находившуюся под контролем отдела пропаганды. Газеты «Нове життя», издававшиеся в городах Ворошиловграде и Перво-

майске, а также «Ранок» (г. Попасная) публиковали объявления о церковной жизни, широко освещали восстановление религиозных праздников [8, с. 85]. Например, в газете города Первомайска 25 апреля 1943 г. была опубликована статья «Христос Воскрес», в которой советская власть и лично Сталин представлялись как противники религии. Большевики характеризовались как «христопродавцы и богоотступники», а Сталин — как Сатана [9, л. 22].

В 1942 г. был сделан важный шаг в организации церковной жизни региона — создана Донецкая епархия, объединившая Луганскую (Ворошиловградскую) и Донецкую области. Возглавил Донецкое епархиальное управление протоиерей Арсений Кнышев, под руководством которого был организован 91 приход, в результате чего общее число приходов в обеих областях достигло 544.

Для более эффективного управления были сформированы благочиния. Протоиерей Константин Анпилов стал руководителем благочиния Ворошиловградской области и активно содействовал открытию новых приходов. В обязанности благочинного входила регистрация открывающихся храмов, назначение священнослужителей с последующим утверждением их кандидатур в епархиальном управлении. Всем храмам региона было возвращено право вести учет таинств (крещения, венчания, отпевания), выдавать соответствующие документы (метрики), а также вести финансовую отчетность [10, с. 56].

Несмотря на стойкую приверженность жителей Ворошиловградской области каноническому православию, оккупационные власти предпринимали попытки насадить здесь автокефальное движение. Согласно материалам НКВД, митрополит Харьковский Феофил (Булдовский), входивший в состав Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ), распространял свое влияние на Ворошиловградскую, а также частично на Курскую, Воронежскую и Сталинскую (Донецкую) области. Однако, судя по всему, автокефальное движение не получило широкого распространения в регионе. Это подтверждается практически полным отсутствием публикаций об открытии храмов УАПЦ в газетах Ворошиловградской области в период оккупации, в отличие от прессы соседних регионов [11, с. 192–193].

В то же время военные годы ознаменовались активизацией на территории Ворошиловградской области представителей других религиозных конфессий. К ним относились сторонники Истинно-православной церкви, евангельские христиане-баптисты, старообрядцы, а также последователи иеговизма и адвентизма седьмого дня [8, с. 87].

В Ворошиловградской области было выявлено более 200 сторонников «Истинно-православной церкви» (ИПЦ). Лидером этого течения был Николай Федорович Сидоров, бывший член КП(б)У, который при оккупационных властях работал в контрразведке СД и находился на нелегальном положении, выдавая себя за царя Николая II для повышения авторитета среди верующих. В Алчевске, на металлургическом заводе имени Ворошилова, действовала община иеговистов, состоявшая в основном из рабочих, мобилизованных из западных областей Украины. У них была антисоветская литература, полученная из-за границы, и они распространяли слухи о «Армагеддоне». Эти общины насчитывали около 20 человек и действовали нелегально. Наибольшей поддержкой в области пользовались евангельские христиане-баптисты, общины которых объединяли около 10 тысяч верующих [8, с. 87].

На 1 января 1945 г. в Ворошиловградской области насчитывалось 125 священников, 9 диаконов, 23 псаломщика и 2 протоиерея Русской православной церкви (РПЦ) [12, с. 152], а также 125 религиозных общин с 38 280 верующими. Общее количество общин других религиозных культов составляло 40 [12, с. 153]. Согласно отчету Ворошиловградского совета по делам РПЦ за 1944 г., из 128 действующих церквей 126 были открыты во время оккупации и только 2 — с разрешения Совета при СНК СССР [12, с. 153].

Проведенный анализ политики немецко-фашистских оккупационных властей в отношении Русской православной церкви на территории Ворошиловградской области в 1942–1943 гг. позволяет сделать следующие выводы. Нацистская политика в отношении Русской православной церкви представляла собой не просто набор пропагандистских лозунгов, а продуманную систему мер. Воспользовавшись тяжелым положением Церкви в СССР после антирелигиозных кампаний, оккупанты искусственно создавали режим «управляемой свободы», стремясь представить себя в роли освободителей веры. Этот тактический ход был направлен на легитимацию оккупационного режима через демонстрацию его якобы «терпимого» отношения к духовным запросам населения, что контрастировало с предшествующей советской политикой. Это соответствовало общему колониальному принципу «разделяй и властвуй», позволяя управлять разрозненными и потому более послушными общинами. Однако, несмотря на все манипуляции и тактические уступки, долгосрочная стратегия оккупантов потерпела неудачу. Осознание общности цели освобождения от захватчиков стало мощным фактором, способствовавшим сближению Русской православной церкви с советским движением Сопротивления. Показательным итогом провала религиозной политики нацистов стал резкий поворот в советской государственно-церковной политике после начала освобождения области в 1943 г. Вынужденная легализация церковных структур и духовенства со стороны партийного руководства, с одной стороны, знаменовала новый этап во взаимоотношениях государства и религии, а с другой — являлась косвенным признанием того, что религиозный фактор стал значимой силой, с которой невозможно было не считаться.

Таким образом, нацистская политика «освобождения веры», сама того не желая, эффективно способствовала временной и строго контролируемой легализации религиозной жизни в регионе в последующий советский период. В целом, политика оккупантов в отношении Русской православной церкви в Ворошиловградской области стала частью общего плана по установлению контроля над захваченными территориями, основанного на дезинформации, манипуляциях и эксплуатации уязвимых сторон общественной, культурной и духовной жизни. Ее изучение позволяет глубже понять не только инструменты нацистской оккупационной системы, но и сложную, многогранную роль религии в экстремальных условиях войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Одинцов М.И.* Власть и религия в годы войны: государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: РИОР, 2005. 540 с.
2. *Алексеев В.И., Ставру Ф.* Русская православная церковь на оккупированной немцами территории // Русское возрождение. 1980. № 12. С. 108–126.

3. Гордієнко В.В. Православні конфесії в Україні періоду Другої світової війни (вересень 1939 — вересень 1945 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01. Київ, 1999. 189 с.
4. Форостюк О.Д. Православная Луганщина в годы гонений и трагических испытаний (1917–1988 гг.). Луганск: ЛИВД, 1999. 118 с.
5. Православие на Украине в годы Великой Отечественной войны: сб. док. и материалов / Федер. арх. агентство, Рос. гос. арх. соц.-полит. истории; отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2019. (Война. Великая. Отечественная. 1941–1945). 511 с.
6. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М.: АСТ, 2004. 483 с.
7. Архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 1.
8. Онищук О.О. Відродження релігійного життя на Луганщині в роки Великої Вітчизняної війни // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2012, № 1006. С. 83–89.
9. Архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 24.
10. Реброва М.И. Возобновление церковной жизни в Сталинской (Донецкой) области в условиях германской оккупации (1941–1943 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской православной церкви. 2016. Вып. 3(70). С. 55–68.
11. Реброва М.И. Развитие отношений государственных органов власти и Русской православной церкви в 1919–1988 гг. (на материалах Донецкого региона): дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2023. 355 с.
12. Проценко Е.А. Культурні процеси на Донбасі в роки Другої світової війни: дис. ... канд. іст. наук. Вінниця, 2019. 250 с.

REFERENCES

1. Odintsov M.I. *Vlast i religiia v gody voiny: gosudarstvo i religioznye organizatsii v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Power and Religion During the War: the State and Religious Organizations in the USSR During the Great Patriotic War of 1941–1945], Moscow, RIOR Publ., 2005, 540 p. (in Russ.)
2. Alekseev V.I., Stavru F. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov na okkupirovannoi nemtsami territorii* [Russian Orthodox Church in German-occupied territory], *Russkoe Vozrozhdenie*, 1980, No. 12, pp. 108–126. (in Russ.)
3. Gordienko V.V. *Pravoslavni konfesii v Ukraini periodu Drugoi svitovoi viini (veresen 1939 — veresen 1945 rr.)* [Orthodox denominations in Ukraine during the Second World War (September 1939–September 1945)], PhD Dissertation (History), Kiiv, 1999, 189 p. (in Ukr.)
4. Forostyuk O.D. *Pravoslavnaya Luganshchina v gody gonenii i tragicheskikh ispytanii (1917–1988 gg.)* [The Orthodox Luhansk Region During the Years of Persecution and Tragic Trials (1917–1988)], Lugansk, LIVD, 1999, 118 p. (in Russ.)
5. *Pravoslavie na Ukraine v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: sb. dok. i materialov* [Orthodoxy in Ukraine During the Great Patriotic War: Collection of Documents and Materials], Feder. arkh. agentstvo, Ros. gos. arkh. sots.-polit. Istorii = Federal Archival Agency, Russian State archival socio-political history, отв. ред. А.К. Сорокин, Moscow, ROSSPEN Publ., 2019 (seriya “Voina. Velikaya. Otechestvennaya. 1941–1945”), 511 p. (in Russ.)
6. Kovalev B.N. *Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii, 1941–1944* [Nazi Occupation and Collaboration in Russia, 1941–1944], Moscow, AST Publ., 2004, 483 p. (in Russ.)

7. *Arkhivnaya sluzhba Luganskoi Narodnoi Respubliki*. F. R-1755. Op. 1. D. 1. (in Ukr.)
8. Onishchuk O.O. Vidrodzhennya religiynogo zhittya na Luganshchini v roki Velikoї Vitchiznyanoi viini [Revival of Religious Life in Luhansk Region During the Great Patriotic War], *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina*, 2012, No. 1006, pp. 83–89. (in Ukr.)
9. *Arkhivnaya sluzhba Luganskoi Narodnoi Respubliki*. F. R-1755. Op. 1. D. 24. (in Ukr.)
10. Rebrova M.I. *Vozobnovlenie tserkovnoi zhizni v Stalinskoi (Donetskoi) oblasti v usloviyakh germanskoi okkupatsii (1941–1943 gg.)* [The Resumption of Church Life in the Stalinist (Donetsk) Region Under German Occupation (1941–1943)], *Vestnik PSTGU = PSTGU Bulletin, Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2016, vyp. 3(70), pp. 55–68. (in Russ.)
11. Rebrova M.I. *Razvitie otnoshenii gosudarstvennykh organov vlasti i Russkoi Pravoslavnoi tserkvi v 1919–1988 gg. (na materialakh Donetskogo regiona)* [The Development of Relations Between State Authorities and the Russian Orthodox Church in 1919–1988 (based on materials from the Donetsk region)], *PhD dissertation (History)*, Nizhnii Novgorod, 2023, 355 p. (in Russ.)
12. Protsenko E.A. *Kulturni protsesi na Donbasi v roki Drugoi svitovoї viini* [The Cultural Process in the Donbas During the Second World War], *PhD dissertation (History)*, Vinnitsa, 2019, 250 p. (in Ukr.)

Воропай Елена Сергеевна, аспирант, ассистент кафедры истории Отечества, Луганский государственный педагогический университет, voropay.elena18@mail.ru

Elena S. Voropay, PhD Post-graduate Student, Assistant, History of the Motherland Department, Lugansk State Pedagogical University, voropay.elena18@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.09.2025. Принята к публикации 13.11.2025

The paper was submitted 05.09.2025. Accepted for publication 13.11.2025